

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОБЩЕСТВО И ПРАВО

2022

№ 2
(80)

**ПОЗДРАВЛЯЕМ
С ЮБИЛЕЕМ!**

КРИМИНОЛОГИЯ

Антонян Ю.М. Отчуждение личности как причина преступности

Случевская Ю.А. О связях экологической криминологии с другими областями научного знания

Хомутов М.В., Грибанов Е.В. Основные направления, положительный опыт и проблемы совершенствования участия социально ориентированных некоммерческих организаций в специальной профилактике преступлений

Яковлев В.В., Чуб И.С. Криминальное насилие в современном обществе: проблемы криминологической оценки и перспективы предупреждения

Колбасин В.В. Влияние информационно-телекоммуникационных технологий на динамику насильственной сексуальной преступности в отношении малолетних и несовершеннолетних

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО.
УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА**

Козаев Н.Ш., Табакова Н.А. Особенности уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий (ст. 207.3 УК РФ)

Валов С.В. Социальное управление в категориальном аппарате уголовного права

Савенко И.А., Бикмашев В.А. Актуальные проблемы квалификации мелкого взяточничества и пути их преодоления

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Насонова И.А., Халимоненко С.С. О некоторых проблемах реализации уголовно-процессуальных запретов в ходе осуществления правоприменительной деятельности

Насонов А.А. Разумное соотношение публичных и частных интересов в уголовно-процессуальной сфере и роль категории «согласие» в его обеспечении

**РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Данильян Э.С. Внутреннее убеждение при оценке следственных ситуаций

**6 CONGRATULATIONS
WITH ANNIVERSARY!**

8 CRIMINOLOGY

8 Antonyan Yu.M. Alienation of the person as a cause of crime

20 Sluchevskaya Yu.A. On the links of environmental criminology with other areas of scientific knowledge

25 Khomutov M.V., Gribanov E.V. Main directions, positive experience and problems of improving the participation of socially oriented non-profit organizations in special crime prevention

33 Yakovlev V.V., Chub I.S. Criminal violence in modern society: problems of criminological assessment and prevention perspectives

39 Kolbasin V.V. The impact of information and telecommunication technology on the increase in the number of violent sexual crimes against minors and juvenile

**48 CRIMINAL LAW.
CRIMINAL POLICY**

48 Kozhaev N.Sh., Tabakova N.A. Peculiarities of criminal liability for public dissemination of knowingly false information about the use of the Armed Forces of the Russian Federation, the execution by state bodies of the Russian Federation of their powers (art. 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation)

52 Valov S.V. Social governances in the categorical apparatus of criminal law

58 Savenko I.A., Bikmashev V.A. Actual problems of qualification of petty bribery and ways to overcome them

63 CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS

63 Nasonova I.A., Khalimonenko S.S. On some problems of the implementation of criminal procedural prohibitions in the course of law enforcement activities

71 Nasonov A.A. A reasonable balance of public and private interests in the criminal procedure sphere and the role of the category "consent" in its provision

**77 DISCLOSURE AND INVESTIGATION
OF CRIMES**

77 Danilyan E.S. Inner conviction in the assessment of investigative situations

Валов Сергей Владимирович

Социальное управление в категориальном аппарате уголовного права

Разработанные теорией уголовного права модели общественно опасных деяний, запрещенных под угрозой наказания, после закрепления их в тексте закона определяют границы правомерности социального управления. В статье исследованы формы отражения в категориальном аппарате уголовного права бытия социального управления и знаний о нем в специальных научных теориях.

Ключевые слова: социальное управление, уголовное право, теория управления, категории, преступное управление.

Social governances in the categorical apparatus of criminal law

The models developed by the theory of criminal law of socially dangerous acts prohibited under threat of punishment, after fixing them in the text of the law, determine the boundaries of the legality of social governances. The forms of reflection of the existence of social governances and knowledge about it in special scientific theories in the categorical apparatus of criminal law are investigated.

Keywords: social governances, criminal law, governance theory, categories, criminal management.

Тема научно-практической конференции «Уголовное право как средство управления обществом» [1] побудила рассмотреть обратное соотношение социальных явлений, связь между которыми установлена в названии конференции.

Соотношение и взаимодействие (и в плане влияния друг на друга, и в ракурсе совместного влияния на общий объект) социального управления и права имеют глубинные исторические корни, берущие свое начало с дополнения нормативной подсистемы общества новым элементом, непосредственно связанным с государственной организацией социума. Государство использует данный регулятор массового поведения людей для руководства их деятельностью в различных сферах общественной практики; сплочения отличающихся друг от друга индивидов и их объединений при достижении общих целей; упорядочения социальных связей и разрешения возникающих между ними противоречий.

Системный подход обязывает рассматривать связи четырех социальных явлений: общества, социального управления, государства и права. В абстрактной модели отношения внутри квартета названных явлений опосредованы двадцатью четырьмя разнонаправленными связями с учетом признания их равного значения в формировании состояния и динамики каждого из них в отдельности. Отношения между каждой парой явлений, признаваемых самостоятельными и равноправными, построены на связях воздействия и ответной реакции

на него. Каждый элемент выступает инициатором воздействия на иные явления в указанном перечне и вынужден отвечать на влияние, инициативно оказанное на него другой стороной отношения. Если рассматривать каждый элемент квартета в качестве системы, то модель структуры взаимоотношений предстает в виде совокупности существующих и теоретически осмысленных связей между их компонентами в различных сочетаниях (общего и частного из другой системы, частных из разных систем). Например, разные компоненты рассматриваемых систем вовлечены в отношения между субъектами законотворческого процесса при оценке регулирующего воздействия проектов нормативных актов [2].

Соотношения названных явлений в различных сочетаниях неоднократно рассматривались в научных трудах с использованием категориального аппарата разных концепций и парадигм, в которых одна сторона сводилась до инструментального уровня (средства, способа, орудия, фактора).

Механизмы использования государством при управлении обществом потенциала права для оказания воздействия на поведение людей раскрыты в работах В.А. Шабалина [3, с. 107–125] и И.Я. Дюрягина [4, с. 5–32]. Р.О. Халфина выделяла право среди прочих социальных регуляторов и на этой основе определила возможности использования государством присущих праву средств и методов дифференцированного воздействия на поведение членов общества на каждой стадии управленческого цикла [5,

с. 41–93]. А.С. Солдатов рассматривал управленческие процессы в качестве средства реализации права, а право – как инструмент социального управления, основу его организации, средство информационного воздействия [6, с. 11–59]. Его модель «управления в области права» противопоставлена разработанной М.М. Рассоловым модели управления правовыми системами [7, с. 8–68]. Н.И. Костюченко и О.А. Миронова при определении соотношения государства и права также вовлекают в исследование их связи с обществом и управлением [8].

Полагаем, что и общество, и социальное управление, и государство, и право обладают равным значением при сопоставлении, а выполняемые ими в отношении друг друга функции в ходе взаимодействия не низводят их до субъектов, стоящих в услужении друг другу. Признание данного факта изменяет существующие методологические подходы к их совместному исследованию в рамках определенного смыслового поля, на котором представлены суждения о явлениях социальной, управленческой, государственной и правовой природы. Такое допущение не принижает значение общества, породившего социальное управление, государство и право. Вместе с тем результаты прогресса общества на определенной стадии его развития оказывают влияние на траекторию его дальнейшего поступательного движения.

Один из секторов обозначенного смыслового поля наполнен содержанием, сформированным на основе сопоставления видов и форм социального управления с точки зрения их общественной и государственной значимости и полезности. Результаты такого сопоставления опосредованы в форме аксиологических суждений о правовых моделях позитивного поведения, видах запретов или требований воздержаться от совершения деяний, отступление от которых влечет применение мер юридической ответственности к правонарушителю. От того, насколько по своему содержанию сопоставимы между собой категории разных наук, изучающих одни и те же социальные явления, зависит их совместный вклад в упорядочение общественных отношений и совершенствование их результатов (в том числе в виде социального управления, государства или права).

Рассмотрим такое соотношение в его крайнем проявлении, когда государство признает определенные формы социального управления общественно опасными, устанавливая запреты на их создание и использование под угрозой применения суровых мер юридической ответственности. Общие закономерности

объединения людей в определенные функциональные группы с четким распределением ролей и координацией совместной деятельности лежат в основе явлений, порождающих различные формы организованной преступности [9, с. 221–223]. Но формы проявления социального управления состоят не только в организационном объединении лиц, совместно совершающих преступления.

Анализ категориального аппарата и науки уголовного права, а также текста уголовного закона дает основания утверждать, что и теория, и правотворческая практика (действуя согласованно или порознь) на стадии конструирования нормы, а также правоприменение и толкование права используют термины, понятия и определения, разработанные в теории социального управления и его отраслях. При этом теория уголовного права выполняет три основные функции: 1) воспринимает термин нейтрально, не приводя определения, полагая его общеупотребительным или не требующим пояснения; 2) заимствует термины, применяя их в соответствии со значением, принятым в теории социального управления или в ее отдельной отрасли; 3) конструирует собственное содержание заимствованных терминов. Так, в теории социального управления все управленческие функции подразделяют на целеполагание и целедостижение, познавательные-программирующие и организационно-регулирующие, общие или специальные. Теория уголовного права традиционно делит их на организационно-распорядительные и административно-хозяйственные (примеч. 1 к ст. 201 и примеч. 1 к ст. 285 УК РФ) применительно к государственным, коммерческим и иным социальным организациям. Одновременно при конструировании составов преступлений, посягающих на право собственности, теория уголовного права использует термины из сферы гражданско-правового оборота, например раскрывающие компоненты оперативного управления.

Вместе с тем действия по владению, пользованию и распоряжению имуществом и иными активами (непосредственно или через их опосредованные формы) могут быть отнесены к управленческой деятельности только при условии оказания управляющего воздействия на сознание и волю лиц, непосредственно выполняющих предметные функции в отношении перечисленных выше вещей, предметов и прочих реальных или виртуальных активов. Не всякое распоряжение, перемещение во времени и пространстве материальных вещей признают социальным управлением.

Нет терминологического единства и при обозначении управления коллективами социальных организаций. Так, в ч. 1 ст. 171.5 УК РФ «управленческие функции» в значении организационно-распорядительных полномочий заменены «обязанностями по руководству организацией». В результате общее (функции) подменяют частным (элементом одной функции).

В разъяснениях судебной практики применения норм УК РФ управленческие функции, рассматриваемые в теории социального управления в виде направлений реальной социальной активности, опосредованной в действиях и решениях, отождествлены с полномочиями [10, пп. 4, 5], которые на практике предшествуют деятельности. Деятельность осуществляют в соответствии или вопреки предоставленным или имеющимся полномочиям, выступающим лекалом правомерности реальных действий и решений субъекта. Правовой оценке подлежат деяния лица, а не его полномочия.

В сферу внимания уголовного права вовлечены процессы управления в социальных организациях, различных по своей природе, происхождению, элементному составу, структурам и размерам. Это объясняет диапазон правовых моделей от насильственного захвата власти до халатности, несмотря на то, что только в названии гл. 32 УК РФ указан один из видов управления (публичное) как элемент родового объекта преступных посягательств.

Все формы социального управления, отраженные в теории уголовного права, предлагаем подразделить на две группы: 1) формы-интердикты (от лат. *interdict* – отрицание), которые ни при каких условиях не могут быть приемлемы и однозначно (вне зависимости от наступивших общественно опасных последствий или угрозы их возникновения) признаны противоправными и уголовно наказуемыми; 2) формы-абберации (от лат. *aberratio* – отклонение от образца), признаваемые противоправными и уголовно наказуемыми при нарушении установленного порядка образования, функционирования или при наступлении общественно опасных последствий как в сфере управления (функционирования управляющей подсистемы), так и в той сфере, которой управляют (управляемой подсистеме).

Наиболее часто в тексте УК РФ используется термин «организация». На его примере рассмотрим вышеприведенное утверждение. Термином «организация» названы или объединения членов социума (социальные организации), или процессы упорядочения (организации) определенной деятельности. В рамках

первого значения выделим девять разновидностей социальных организаций, создание и (или) функционирование которых в результате социального управления уголовный закон признает преступлениями. К их числу отнесены: организованная преступная группа (ч. 3 ст. 35 УК РФ), преступное сообщество, преступная организация (ч. 4 ст. 35, ст. 210 УК РФ), банда (ст. 209 УК РФ), незаконное вооруженное формирование (ст. 208 УК РФ), террористическая или экстремистская организация (ст. 205.5 и 282.2 УК РФ), террористическое или экстремистское сообщество (ст. 205.4 и 282.1 УК РФ).

При этом создание и (или) функционирование иных социальных организаций (юридического лица [ст. 173.1 УК РФ], иностранной или международной неправительственной организации [ч. 3 ст. 284.1 УК РФ], религиозного или общественного объединения (некоммерческой организации) [ст. 239 УК РФ]) будут признаны преступлением только при наличии указанных в законе условий.

С учетом знаний об установлении формальных связей и возникновении неформальных отношений между членами социальной организации нельзя признать совершенными и семантически выдержанными формулировки примеч. 1 к ст. 210 УК РФ, которые в определенной степени отрицают возможность наложения организационной структуры преступного сообщества (преступной организации) на формальную организационно-штатную структуру легальной социальной организации, занимающейся предпринимательской или иной экономической деятельностью. Вопрос установления такого наложения лежит в плоскости доказывания наличия таких связей помимо формальных, а не в изложении в тексте УК РФ юридического основания освобождения от уголовной ответственности за действия в соответствии с возложенными на лицо формальными обязанностями или предоставленными полномочиями в социальной организации. Признание конструкции примеч. 1 к ст. 210 УК РФ логически верным может дать основания для распространения его положения на государственные органы в тех случаях, когда на их формальные организационные структуры будут наложены неформальные связи созданных внутри них преступных сообществ (преступных организаций). Конкретные люди, замещающие должности, могут быть вовлечены в деятельность такого сообщества и организации посредством использования их зависимого положения от руководителя в формальной структуре легальной организации. Выявление

факта использования потенциала формальной организационно-штатной структуры для возникновения и упорядочения неформальной совокупности связей между членами легальной организации в целях совершения преступной деятельности с четким распределением ролей, построенным на официальном распределении полномочий и возложении обязанностей, может быть рассмотрено в качестве условия, способствующего совершению преступления и образованию преступного сообщества (преступной организации). Здесь вопросы возникают к контрольно-надзорным органам, субъектам внутреннего или внешнего контроля за деятельностью со стороны вышестоящей организации или собрания учредителей.

Законодатель использует в конструкциях объективной стороны одиннадцати составов преступлений термин «организация» для указания на упорядочение конкретного вида преступной деятельности, но ни разу не дает ему соответствующего пояснения. Во всех анализируемых нормах отсутствуют примечания, раскрывающие понятие термина «организация» применительно к конкретному виду преступной деятельности. Не все смыслы термина раскрыты в актах разъяснения судебной практики, а единичные мнения создают сложности для разграничения действий исполнителя организации и посредника [11, п. 7].

В теории социального управления под организацией понимают одну из управленческих функций, в результате реализации которой субъект управления достигает упорядоченности связей между статическими и динамическими элементами управляемой подсистемы (объединения людей или выполняемой ими коллективной деятельности). Поскольку в анализируемых нормах УК РФ речь идет об организации преступной деятельности, предлагаем под ней рассматривать умышленные действия лица по установлению между разрозненными (статистическими и (или) динамическими) компонентами преступной или иной противоправной деятельности устойчивых функциональных и организационных связей. Организатор-исполнитель создает своими действиями модель противоправной или девиантной (ст. 110.2 УК РФ) деятельности других лиц. Так, организатор различных притонов или занятий противоправной деятельностью устанавливает социальные связи между потребителями и поставщиками незаконных услуг, а также определенной материальной обстановкой, в которой совершение действий становится возможным и удобным (ст. 171.2, 232, 241 УК РФ).

Морфологический анализ диспозиции ст. 210 УК РФ и аналогичных ей показывает, что в состав категориального аппарата уголовного права введены термины теории социального управления, обозначающие отдельные направления управленческой деятельности (управленческие функции): планирование, руководство, координацию и организацию (включая создание социального объединения, установление между его элементами устойчивых связей, раздел сфер влияния и доходов).

В этой плоскости также выявлены терминологические расхождения, создающие трудности в правоприменительной деятельности. Рассмотрим их на примере функции руководства. Анализ актов разъяснения судебной практики применения норм уголовного закона позволяет выявить диахронные изменения смысла, вкладываемого в понятие «руководство преступной деятельностью». Изначально под руководством понимали принятие решений, связанных как с планированием, материальным обеспечением и организацией преступной деятельности запрещенной социальной организации, так и с конкретными проявлениями такой деятельности [12, п. 8]. В последующем руководство отождествляли с осуществлением организационных и (или) управленческих функций [13, п. 10]. В настоящее время устоялось толкование, согласно которому руководство поглощает выполнение в отношении запрещенной законом социальной организации всех управленческих функций: целеполагания, планирования, организации (разработку моделей преступной деятельности, определение способов совершения деяния), материально-технического обеспечения и принятия мер безопасности в отношении подчиненных [14, п. 15; 15, пп. 22.4, 25]. В изложенных мнениях принятые в теории социального управления вид и род функций заменены местами, а в дефиниции частное (функция организации) отождествлено с общим (управленческие функции). Объем руководства как одной из управленческих функций наполнен содержанием всей управленческой деятельности, реализуемой субъектом управления социальной организацией.

Таким образом, теория уголовного права, оперируя терминами теории социального управления, выполняет нейтральную, операционную или конструктивную функцию. В сферу внимания уголовного права вовлечены различные виды социального управления и реализуемые субъектами управления управленческие функции. В определениях используемых теорией уголовного права понятий, разрабатыва-

емых в теории социального управления, есть расхождения. На фоне уточнения в разъяснениях судебной практики смысла отдельных заимствованных терминов не устранены противоречия между позициями, высказанными в разное время. Внесенные предложения по уточнению смысла терминов, применяемых

в теории уголовного права, с учетом положений теории социального управления открывают дополнительную площадку для дискуссий. Расхождения в смысловом поле могут быть нивелированы посредством проведения в дальнейшем совместных научных исследований и обсуждения полученных результатов.

1. В Московской академии Следственного комитета состоялась научно-практическая конференция по уголовному праву [Электронный ресурс]. URL: http://academy-skrf.ru/about_the_university/news/detail.php?ID=1716 (дата обращения: 18.03.2022).

2. Бабаев М.М. Риски законотворчества и противоречия уголовной политики // *Общество и право*. 2020. № 2(72). С. 8–14.

3. Шабалин В.А. Методологические вопросы правоведения (В связи с теорией и практикой социалистического управления). Саратов, 1972.

4. Дюрягин И.Я. Право и управление. М., 1981.

5. Халфина Р.О. Право как средство социального управления. М., 1988.

6. Солдатов А.С. Право как инструмент социального управления: информационный аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

7. Рассолов М.М. Управление, информация и право. М., 1983.

8. Костюченко Н.И., Миронова О.А. Соотношение феноменов «государство» и «право» как проблема теории государства и права и теории управления социальными и государственными системами // *Общество и право*. 2020. № 2(72). С. 118–123.

9. Третьяков В.И. Организованная преступность как криминологический и социальный феномен // *Общество и право*. 2009. № 1(23). С. 218–224.

10. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 окт. 2009 г. № 19. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

11. О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 18. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

12. О практике применения судами законодательства об ответственности за бан-

1. The Moscow Academy of the Investigative Committee held a scientific and practical conference on criminal law [Web resource]. URL: http://academy-skrf.ru/about_the_university/news/detail.php?ID=1716 (date of access: 18.03.2022).

2. Babaev, M.M. Risks of lawmaking and criminal policy contradictions // *Society and law*. No. 2(72). P. 8–14.

3. Shabalin, V.A. Methodological issues of law (In connection with the theory and practice of socialist management). Saratov, 1972.

4. Dyuryagin, I.Ya. Law and governance. Moscow, 1981.

5. Halfina, R.O. Law as a means of social governance. Moscow, 1988.

6. Soldatov, A.S. Law as a tool of social governance: information aspect: diss. ... Candidate of Sciences in Jurisprudence. Moscow, 2002.

7. Rassolov, M.M. Governance, information and law. Moscow, 1983.

8. Kostyuchenko, N.I., Mironova, O.A. The correlation of the phenomena of "state" and "law" as a problem of the theory of state and law and the theory of management of social and state systems // *Society and law*. 2020. No. 2(72). P. 118–123.

9. Tretyakov, V.I. Organized crime as criminology and social phenomenon // *Society and law*. 2009. No. 1(23). P. 218–224.

10. On judicial practice in cases of abuse of power and abuse of authority: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Oct. 16, 2009 No. 19. Access from the legal reference system "ConsultantPlus".

11. On judicial practice in cases of illegal crossing of the State border of the Russian Federation and crimes related to illegal migration: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. July 9, 2020 No. 18. Access from the legal reference system "ConsultantPlus".

12. On the practice of the courts in applying legislation on responsibility for banditry: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Jan. 17, 1997 No. 1. Access from the legal reference system "ConsultantPlus".

13. On judicial practice in criminal cases concerning the organization of or participation

дитизм: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 янв. 1997 г. № 1. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

13. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

14. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (в ред. от 28.10.2021). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

15. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февр. 2012 г. № 1 (в ред. от 03.11.2016). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

in a criminal community (criminal organization): resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. June 10, 2010 No. 12. Access from the legal reference system "ConsultantPlus".

14. *On judicial practice in criminal cases of extremist crimes: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. June 28, 2011 No. 11 (as amended on 28.10.2021). Access from the legal reference system "ConsultantPlus".*

15. *On certain issues of judicial practice in criminal cases of terrorist offences: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Febr. 9, 2012 No. 1 (as amended on 03.11.2016). Access from the legal reference system "ConsultantPlus".*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Валов Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Московской академии Следственного комитета Российской Федерации; e-mail: valov-s@rambler.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

S.V. Valov, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor, Senior Researcher at the Scientific Research Department, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation; e-mail: valov-s@rambler.ru
